

Г.К. Градовский

Итоги (1862-1907)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.К. Градовский**
Итоги (1862-1907) / Г.К. Градовский – М.: Книга по Требованию, 2018. –
498 с.

ISBN 978-5-517-98257-5

Историко-Политические Очерки . К Истори Печати. Воспоминания . Фелье-
тоны

ISBN 978-5-517-98257-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Адресъ, которымъ былъ почтенъ авторъ, по поводу 45-лѣтія его литературной дѣятельности, на юбилейномъ обѣдѣ 11-го ноября 1907 г., въ Петербургѣ.

*Дорогой и глубокоуважаемый
Григорій Константиновичъ!*

Товарищи и сочлены ваши по Кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ вдвойнѣ счастливы привѣтствовать сегодня возвращеніе въ Петербургъ основателя Кассы и ея перваго предсѣдателя и въ то же время лично принести свои поздравленія съ исполненнымъ 45-лѣтіемъ вашего талантливаго и беззавѣтнаго общественнаго служенія на боевыхъ постахъ родной печати. Наша Касса, за осуществленіе которой вамъ пришлось вести борьбу въ продолженіе ряда лѣтъ, остается и до сихъ поръ въ писательской средѣ единственнымъ учрежденіемъ на началахъ не филантропіи, а взаимопомощи. Быстрый ростъ Кассы, насчитывающей уже до 800 членовъ, при 4-хъ филиальныхъ отдѣленіяхъ въ провинціи, доказываетъ наглядно жизненность и плодотворность этихъ началъ. Но многіе изъ насъ живо помнятъ, сколько упорной энергіи, вѣры въ дѣло и систематическаго самоотверженнаго труда потребовалось для того, чтобы воплотить въ жизнь новую идею. Вы, Григорій Константиновичъ, не жалѣли своего труда и съ рѣдкимъ искусствомъ, тактомъ и заботливостью обставили и проводили молодое учрежденіе по этимъ труднымъ и опаснымъ первымъ этапамъ.

Однако, какъ ни велики для насъ заслуги основателя Кассы, въ вашей жизни, посвященной всецѣло страстной и отвѣтственной работѣ прогрессивнаго публициста, онѣ обнимаютъ сравнительно небольшой періодъ. Въ самомъ дѣлѣ, сорокъ пять лѣтъ, едва не половина, борьбы съ перомъ въ рукѣ—вѣдь это почти вся жизнь. Здѣсь не мѣсто для подробнаго обозрѣнія громадной работы публициста, выполненной вами со всею разносторонностью и гибкостью, присущими самой жизни, всегда въ защиту передовыхъ гуманныхъ идей, въ непрестанной борьбѣ за свободу устнаго и печатнаго

слова. Но есть нѣчто общее и основное, что красной нитью проходитъ черезъ всю вашу дѣятельность, что составляетъ, такъ сказать, душу ея, проявляющуюся неизмѣнно въ крупномъ и маломъ: это прирожденный вамъ, рѣдкій по цѣльности и яркости выраженія темпераментъ общественнаго дѣятеля и борца; это тотъ рѣдкій даръ, которому присуши и неизсякающее горѣніе мысли, и естественная, никогда не измѣняющая чуткость публицистическаго таланта.

Многіе изъ сочленовъ вашихъ по Кассѣ черезчуръ молоды, чтобы помнитъ теперь уже далекую карьеру Гаммы, блестящаго фельетониста „Голоса“. или корреспонденціи съ театра русско-турецкой войны и рядъ яркихъ статей, посвященныхъ войнѣ, и недолгое боевое существованіе Вашей собственной газеты „Русское Обозрѣніе“, прекращенной по Высочайшему повелѣнію, и пронесшіяся по всей Россіи огненныя строки по поводу оправданія Вѣры Засуличъ и благородную защиту національныхъ интересовъ всѣхъ сыновъ многоязычной Россіи и еще многое, что здѣсь невозможно перечислить. Но не всѣ мы молоды,—въ средѣ нашей еще немало и тѣхъ, для кого ваше имя тѣсно связано съ славной эпохой великихъ реформъ и съ смѣнившимся ее 20-лѣтіемъ мертвящей реакціи, когда вашимъ страстнымъ и образнымъ перомъ водила горячая вѣра въ побѣду правовыхъ началъ и непримиримая ненависть къ насилію и мраку.

Григорій Константиновичъ! Мы радостно привѣтствуемъ ваше возвращеніе къ прежней любимой дѣятельности, и мы хотимъ надѣяться, что и въ жизни всѣмъ намъ дорогой Кассы намъ суждено пережить вмѣстѣ съ вами тотъ расцвѣтъ дѣятельной самопомощи, въ которомъ вы всегда видѣли и проповѣдывали единственный путь матеріальной и нравственной независимости, достойный работниковъ мысли. *(Смѣютъ подписи).*

Кромѣ этого адреса, авторъ былъ почтенъ привѣтствіями и поздравленіями литературныхъ учреждений и обществъ; сочувственными телеграммами и письмами, полученными отъ редакцій столичныхъ и провинціальныхъ изданій, отъ литературныхъ учреждений въ Москвѣ и другихъ городахъ, отъ писателей, друзей и знакомыхъ, не имѣвшихъ возможности принять личное участіе въ юбилейномъ чествованіи, а также содержательными и воодушевленными рѣчами, произнесенными на этомъ литературномъ праздникѣ. Особенно трогательное вниманіе и сочувствіе было оказано автору Кассой взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, какъ центральными учрежденіями, такъ и отдѣленіями ея въ Москвѣ, Юрьевѣ и Одессѣ.

Авторъ много разъ выражалъ и выражаетъ и въ данномъ случаѣ сердечную благодарность за всѣ эти высокоцѣнныя, человѣколюбивыя отношенія къ нему.

Роковое пятилѣтіе.

1878—1882 гг.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

Воспоминанія эти написаны осенью 1906 г., по приглашенію В. А. Гольцева, когда авторъ не могъ и помышлять даже о возможности избавленія отъ тяжелой, девятилѣтней болѣзни. Было полное основаніе думать, что это „*последнее слово*“ его въ печати. Подъ этимъ заглавіемъ воспоминанія и помѣщались въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ“ князя Е. Н. Трубецкого, 1907 г. (въ январѣ, февралѣ и мартѣ, №№ 1—12), гдѣ статья эта была гостепріимно принята, вслѣдствіе кончины В. А. Гольцева и извѣстій о прекращеніи „Русской Мысли“, по счастью не оправдавшихся.

Въ „Русской Старинѣ“, съ января 1908 г., печатаются воспоминанія, подъ заглавіемъ „Изъ минувшаго“, охватывающія нашу политическую и литературную жизнь до пятилѣтія 1878—1882 гг. и въ *последующіе* годы. Эти добавочныя воспоминанія написаны послѣ нежданнаго выздоровленія автора и не могли войти въ настоящее изданіе.

I.

Пишу съ великимъ трудомъ, отрывочно и безсвязно; но меня мучитъ мысль, что на мнѣ лежитъ обязанность посылить помочь выясненію и правильному освѣщенію многихъ событій и явленій, участникомъ или свидѣтелемъ которыхъ довелось мнѣ быть. Замѣтки мои, какъ мнѣ кажется, достойны вниманія читателей и могутъ, отчасти, пригодиться изслѣдователямъ нашей литературы, общественности и политической жизни послѣдняго полувѣка. Много разъ я порывался издать сборникъ моихъ статей, конечно, въ той ихъ части, которая достойна сохраненія и не поглощена безслѣдно волнами и бурями ежедневной печати. Въ теченіе многихъ лѣтъ мнѣ случалось писать до 80.000 и болѣе печатныхъ строкъ въ годъ; въ иное время о моихъ статьяхъ и обо мнѣ много говорили; хвалы смѣнялись потоками брани и тяжелыхъ обвиненій; въ цензурныхъ ко мнѣ отношеніяхъ происходили подобныя же противорѣчія и превращенія. Вслѣдствіе этого, бывали періоды, длившіеся цѣлые годы, когда мнѣ приходилось замирать, какъ бы заживо погребенному; читатели забывали меня или получали обо мнѣ враждебное впечатлѣніе, которое и опровергать было негдѣ, неудобно и даже опасно... Извольте

доказывать свою благонадежность! Въ болѣе мирные и свѣтлыя промежутки случалось начинать подготовку изданія; но скоро приходилось бросать эту затѣю, частью въ виду цензурныхъ преградъ, частью по недостатку времени и въ желаніи лучшей обработки. Теперь, въ надеждѣ, что хотя небольшая часть моей многолѣтней публицистической работы появится въ свѣтъ, въ видѣ посмертнаго сборника, увлекаюсь увѣренностью, что замѣтки эти или „воспоминанія“ послужатъ для нея полезнымъ дополненіемъ и поясненіемъ, если предварительно, по нашему обычаю, онѣ найдутъ мѣсто на страницахъ всѣми уважаемаго журнала. Нѣтъ ничего скучнѣе вступленийъ и предисловія, имѣющихъ цѣлью заманить „благосклоннаго читателя“. Прерываю эту тоскливую „присказку“, очень близко подходящую къ противному „самохвальству“, но все же долженъ сдѣлать еще одну оговорку. Во всѣхъ моихъ біографическихъ характеристикахъ, изъ которыхъ инныя появлялись и въ иностранной печати, въ разное время, меня причисляли къ либеральной партіи и къ числу видныхъ приверженцевъ конституціоннаго строя; но въ отечественныхъ отзывахъ обо мнѣ весьма часто упоминается, будто я началъ свою дѣятельность въ *консервативныхъ изданіяхъ*. Переходъ отъ консерватизма къ либерализму ничего худого не представляетъ, тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о перемѣнѣ партіи торжествующей на партію преслѣдуемую и „не въ авантажъ обрѣтающуюся“. Но ради истины и для уясненія дѣйствительности, надо напомнить, что въ 60-хъ годахъ не было у насъ консервативной печати или ей принадлежало самое ничтожное мѣсто и значеніе. Мое участіе въ журналистикѣ (если не считать *первой* театральной замѣтки въ „Харьков. Вѣд.“, 1862 г.), началось съ 1863 года (въ послѣдній годъ пребыванія въ университетѣ) въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“, затѣмъ въ „Кіевлянинѣ“ (1865—1869 г.), въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1869—1870 г.), въ „Московск. Вѣдом.“ (1870—1871 г.). Единственной реакціонной газетой въ то время была „Вѣсть“. Въ 1872 году я имѣлъ неосторожность соблазниться ролью редактора „Гражданина“; но этотъ промахъ обошелся мнѣ крайне дорого и тяжело во многихъ отношеніяхъ и черезъ годъ затѣя эта была брошена. Мое мѣсто занялъ Ф. М. Достоевскій, къ крайнему моему удивленію. Но и „Гражданинъ“ 1872 года, несмотря на пресловутую „точку къ реформамъ“ и извѣстныя чудачества издателя, не измѣнялъ общему либеральному направленію. Зем-

ское дѣло, новый судъ, народное образованіе, крестьянское дѣло находили въ немъ горячаго сторонника, а бюрократизмъ осмѣивался въ сатирическомъ очеркѣ „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“. Нѣсколько мѣсяцевъ участія въ „Русскомъ Мирѣ“, въ 1873 году, при редакторѣ П. А. Висковатовѣ, нисколько меня не стѣсняли, а когда газета перешла къ М. Г. Черняеву и въ ней сталъ подвизаться авторъ „Чѣмъ намъ быть“ (генералъ Фаддѣевъ), я поспѣшилъ устранился. Въ это время, главное руководство въ „Голосѣ“ получилъ профессоръ В. А. Бильбасовъ. Онъ зналъ меня по „Кіевлянину“ (В. Я. Шульгина) и пригласилъ къ участію въ „Голосѣ“, главнымъ образомъ по внутреннимъ вопросамъ. Это было весной 1874 г. Лѣтомъ заболѣлъ фельетонистъ Ниль-Адмирари (Панютинъ). Бильбасовъ предложилъ мнѣ взять на себя и эту работу, измѣнивъ характеръ воскреснаго фельетона. вмѣсто увеселенія публики и праздно болтовни о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, воскресный фельетонъ, по нашему соглашенію, долженъ былъ служить популярнымъ подспорьемъ общему направленію газеты и статьямъ по важнѣйшимъ вопросамъ политической и общественной жизни. Я попробовалъ; опытъ оказался удачнымъ, и съ 1 января 1875 г. я сталъ подписывать воскресные фельетоны псевдонимомъ *Гамма*. Участіе мое въ „Голосѣ“ совпадаетъ съ развитіемъ и благосостояніемъ этой газеты. Въ 1876 году, съ 11 іюля, я началъ издавать еженедѣльное „Русское Обозрѣніе“; но во время пріостановокъ моей газеты и послѣ ея запрещенія возобновлялъ работу въ „Голосѣ“ и ѣздилъ отъ него корреспондентомъ на театръ войны 1877—1878 гг., сначала въ Малую Азію, а осенью и зимой въ Болгарію. Въ концѣ 1878 года, подъ давленіемъ цензуры, мнѣ пришлось разстаться съ „Голосомъ“, сохраняя самыя лучшія отношенія съ А. А. Краевскимъ и В. А. Бильбасовымъ. Съ двухъ словъ, я сговорился и началъ работать въ „Молвѣ“ В. А. Полетики, на гораздо болѣе скромныхъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи, но за-то чрезвычайно отрадныхъ во всѣхъ остальныхъ. И тутъ не разъ проявлялись цензурныя давленія и угрозы, но В. А. Полетика съ привычнымъ ему истиннымъ джентельменствомъ всякій разъ отражалъ подобныя вмѣшательства.

„Молва“ должна была прекратить свое существованіе 15 марта 1881 года, когда исчезли и „благія вѣянія“, сошедшія съ попытками гр. М. Т. Лорисъ-Меликова водворить

у насъ европейскіе порядки и сколько-нибудь закончить преобразование 60-хъ годовъ, прерванныя злосчастной реакціей. Потомъ настала очередь сотрудничества въ „Порядкѣ“, изданія М. М. Стасюлевича; но эта газета просуществовала всего лишь 13½ мѣсяцевъ; она прекратилась, не желая подчиниться натиску реакціоннаго произвола и беззащитнаго разрушенія всѣхъ пріобрѣтеній освободительной эпохи. Ну, а затѣмъ захлеснуло насъ мрачное прозябаніе, общественное омертвленіе.

Несчастныя послѣдствія новаго застоя и отсталости привели насъ къ небывалому внѣшнему позору и пагубной внутренней смутѣ.

Достаточно этого вступленія. Можно теперь перейти къ основной задачѣ этихъ замѣтокъ.

II.

Въ концѣ февраля 1878 года, возвратившись изъ Болгаріи, чрезъ Одессу, Кіевъ и Москву, я засталъ „Русское Обозрѣніе“ пріостановленнымъ на 6 мѣсяцевъ. Эта „гостепріимная“ встрѣча была предверіемъ тѣхъ „благъ“, которыя ожидали насъ послѣ войны. Не было, кажется, семьи, которая не понесла бы тѣхъ или иныхъ потерь ради освобожденія болгаръ, сербовъ, румынъ (Боснія и Герцоговина были забыты); у меня былъ убитъ родной братъ (имѣвшій всѣ ордена съ мечами и представленный къ св. Георгію 4-й ст.) въ послѣднемъ дѣлѣ, совершенно ненужномъ, 18 января, наканунѣ перемирія, при штурмѣ Цыхыдзыри; еще ранѣе погибъ двоюродный братъ моей жены, защищая пушки отъ турецкой засады подъ Врацей; всѣ что-нибудь утратили, но все-же тѣшились надеждой, что и насъ ждетъ „новое счастье“, давно желанное довершеніе преобразованій. Казалось, вполне ясно было, что застой приводитъ къ разгромамъ, испытаннымъ въ Крымскую войну, а немногіе годы прогресса все-же даровали побѣду и обезпечили возвратъ прежней военной славы. Трудно было даже вообразить, въ самомъ мрачномъ и недовѣрчивомъ настроеніи, чтобъ за счетъ бѣднаго русскаго народа, какъ и прежде, создавалось чужое благополучіе, воздвигались новые порядки и конституціи, а Россія обречалась бы на прежнія, давно осужденныя, условія прозябанія, въ атмосферѣ полицейскаго участка, невѣжества и мыслебоязни. Неужели послѣ свѣтлыхъ грезъ объ идеальномъ

освободительномъ подвигѣ и великой мисіи русскаго народа, по возвратѣ домой, насъ ждало лишь старое „разбитое корыто“?

Подъ такими впечатлѣніями была написана моя статья „Итоги войны“, появившаяся въ „Голосѣ“, въ началѣ марта 1878 года.

Нѣсколько дней спустя, пріѣзжаетъ ко мнѣ К. К. Случевскій, извѣстный поэтъ и впослѣдствіи редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“, и поражаетъ меня сообщеніемъ, что П. А. Валуевъ, исправлявшій въ то время должность предсѣдателя комитета министровъ, въ восторгѣ отъ моей статьи и желалъ бы со мной познакомиться.

Конечно, этотъ неожиданный приливъ официальной нѣжности, послѣ каръ, постигшихъ мою газету, возбудилъ понятную любознательность, и на вѣжливое приглашеніе я отвѣчалъ соотвѣтственнымъ согласіемъ. Свиданіе состоялось въ назначенный часъ, вечеромъ, въ домѣ министра государственныхъ имуществъ. П. А. Валуевъ былъ одинъ, въ обширномъ кабинетѣ, выходившемъ на площадь, гдѣ скачетъ конная статуя императора Николая I. Министръ вышелъ навстрѣчу, подаль руку и обдалъ меня цѣлымъ потокомъ фразъ, въ которыхъ слышались извиненія за безпокойство и похвалы, переданныя уже чрезъ К. К. Случевского. Это была почти что рѣчь, которую оставалось только слушать; затѣмъ мы усѣлись и закурили, а цвѣтистая рѣчь все продолжалась. Высокопоставленный ораторъ поспѣшилъ, однако, оговориться, что принимаетъ меня не въ качествѣ министра, а въ качествѣ просвѣщеннаго лица, всегда любившаго литературу и даже причастнаго къ ней, и что люди одинаковаго образа мыслей должны сближаться, особенно въ переживаемое время. Таковы мотивы его приглашенія, и онъ питаетъ-де надежду, что дальнѣйшее знакомство упрочитъ это сближеніе и поведетъ его къ прочному развитію.

Подъ звуки этого словоизліянія, мнѣ упорно вспоминалось колкое стихотвореніе гр. А. К. Толстого „Сонъ статскаго совѣтника Попова“, и я ощущалъ нѣкоторую неловкость. Я задавалъ себѣ вопросъ: не вкралось ли въ мою статью что-либо неясное и предосудительное, если мысли мои встрѣтили такое неожиданное сочувствіе со стороны сановника, олицетворявшаго въ себѣ всю неустойчивость официальнаго либерализма и проявившаго уже, въ своей государственной дѣятельности, не мало реакціонныхъ стремленій,

хотя бы и въ западническомъ духѣ—застарѣлаго легитимизма и лендъ-лордства. Изгнанные революціей „благородные“ иностранцы и искатели наживы цѣлый вѣкъ насаждали въ Россіи свои отжившіе порядки и наши „англоманы“ или „роялисты“ охотно усваивали ихъ взгляды, когда хотѣли слыть „просвѣщенными“ дѣятелями и оставляли на время привычки старо-московской татарщины.

Такъ или иначе, хотя и не безъ труда, я все же нашелъ возможность втиснуть въ потокъ Валуевского краснорѣчія нѣсколько словъ, въ которыхъ сообщилъ государственному мужу, что идеи мои, встрѣтившія столь лестное сочувствіе, вызываютъ постоянное противодѣйствіе и преслѣдованіе администраціи и цензуры. Въ доказательство,—я привелъ участь „Русскаго Обозрѣнія“. П. А. Валуевъ не подозрѣвалъ даже о существованіи моей газеты и полагалъ, что я участвовалъ лишь въ „Голосѣ“, а прежде въ „Гражданинѣ“. Мой собесѣдникъ выразилъ даже удивленіе, когда я сообщилъ ему, что положеніе печати ухудшилось со времени его выхода изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и требуетъ настоятельнаго улучшенія. Тутъ П. А. Валуевъ замаялся и опять сталъ ссылаться на частное значеніе нашей бесѣды; но мнѣ все же удалось указать, что такъ убѣдительно выраженная имъ необходимость *сближенія* не можетъ осуществиться, если основныя идеи всякаго общенія не будутъ находить выраженія въ должной постановкѣ печатнаго слова. На красивыя фразы, какъ бы въ силу заразительности, и мнѣ захотѣлось отвѣчать фразами. При прощаніи, П. А. Валуевъ согласился принять отъ меня, въ одно изъ будущихъ свиданій, записку о современномъ положеніи печати. Мы видѣлись еще два раза, въ томъ числѣ на другой день послѣ знаменитаго уголовного дѣла о Вѣрѣ Засуличъ. П. А. Валуевъ былъ крайне встревоженъ и утратилъ прежнюю развязность. Онъ „возмущался“ и не могъ понять оправданія. Я выразилъ надежду, что недоумѣнія моего „единомышленника“ исчезнутъ, когда онъ прочтетъ завтрашній фельетонъ мой въ „Голосѣ“.

— Неужели вы за оправданіе?

— Не я одинъ; присяжные, судьи, всѣ бывшіе въ судѣ за оправданіе!.. Осудить было невозможно! Возлѣ меня сидѣлъ Достоевскій, и тотъ призналъ, что наказаніе этой дѣвушки неумѣстно, излишне... Слѣдовало бы выразить,—ска-

залъ онъ:—„Иди, ты свободна, но не дѣлай этого въ другой разъ“...

— Удивительно!...—процѣдилъ сквозь зубы Валуевъ.

— Надо быть въ судѣ, необходимо пережить все, что мы пережили во время этого процесса, и все станетъ понятно... Заочно судить нельзя.

На другой день, 2-го апрѣля, въ Вербное воскресенье, появился мой фельетонъ... Надо было досказать еще очень многое, но „Голосу“ дано было предостереженіе. Другая газета—„Сѣверный Вѣстникъ“—перепечатала фельетонъ, и ей дано предостереженіе. Дальнѣйшія разъясненія этого важнаго процесса были невозможны; всякое обсужденіе его было прервано; взамѣнъ раздавались дикія завыванія реакціи противъ суда, противъ присяжныхъ и адвокатуры, противъ общества и печати. Меня объявили подстрекателемъ политическихъ убійствъ и приглашали покарать „судомъ народнымъ“, расправой рынка, правосудіемъ Охотнаго ряда. Новѣйшіе Ростопчины реакціонной журналистики щеголяли другъ передъ другомъ, извращая дѣло, взывая къ произволу и попирая справедливость и человѣчность. Вся остальная печать обречена была на молчаніе. Мы онѣмѣли!...

Я послалъ П. А. Валуеву письмо, въ которомъ указалъ на пагубныя послѣдствія новаго взрыва реакціи. Я напомнилъ ему, что исторія всѣхъ народовъ свидѣтельствуешь, къ какимъ разрушеніямъ и тяжкимъ послѣдствіямъ ведутъ подавленіе мысли и ретроградная разнузданность. Правительство само себѣ роетъ яму, ослѣпляетъ общество и создаетъ смуту. При такихъ условіяхъ,—помимо новаго приглашенія,—я не рѣшаюсь его беспокоить своими посѣщеніями,—добавилъ я въ заключеніе своего письма. П. А. Валуевъ ничего не отвѣтилъ. Болѣе мы не видѣлись.

Послѣ мнѣ говорили, что П. А. Валуевъ со многими литераторами „сближался“, отыскивая редактора для своего журнала. Но авторъ „Графа Лорина“ все же остался чуждъ литературѣ и вскорѣ утратилъ всякое значеніе не только въ обществѣ, но и въ бюрократическихъ сферахъ. А вліяніе его было большое и продолжительное. Два раза онъ выплывалъ на первое мѣсто въ правительственныхъ рядахъ, и всякій разъ отъ его дѣятельности и начинаній получался самый пагубный осадокъ.

Въ бумагахъ моихъ сохранилась „черновая“ перваго письма моего къ П. А. Валуеву, по поводу необходимости

пересмотра законовъ о печати. Склоняя Валуева принять записку по этому предмету, я писалъ:

„Честные, здравомысленные люди и убѣжденія существуютъ. Необходимо только дать имъ возможность сплотиться, выйти на свѣтъ Божій, освободиться изъ-подъ искусственныхъ наслоеній умственной тины и нравственнаго застоя. Это можетъ свершиться при содѣйствіи печати честной, просвѣщенной, имѣющей твердые принципы, *незыблемую почву въ законѣ*. При существующихъ юридическихъ условіяхъ такой печати у насъ быть не можетъ и, къ сожалѣнію, *только у насъ*, изъ всей Европы. Какъ же намъ состязаться съ Западомъ, какъ же жить и управляться внутри!

„Отстаивать интересы печати гласно, открыто нѣтъ возможности, ибо каждая попытка въ этомъ отношеніи встрѣчаетъ самое ревнивое противодѣйствіе со стороны того управленія, которое, почитая себя опекуномъ русской мысли, неудержимо толкаетъ ее на путь ничтожества и безнравственности“.

Само собою разумѣется, что всѣ эти доводы были тщетны. Очень скоро пришлось вспомнить отчаяніе Некрасовскаго стиха: „И погромче насъ были витіи, да не сдѣлали пользы перомъ“. Но все же капля точитъ и камень, и число Валуевыхъ убываетъ. И если бы даже остался хотя одинъ писатель, среди рептилій и опричниковъ,—онъ обязанъ повторять свое: „а все-таки вертится“.

III.

Замѣтки мои коснулись дѣла Вѣры Засуличъ. Процессъ этотъ имѣлъ громадное значеніе въ новѣйшей нашей исторіи. Послѣдствія его крайне тяжело отразились не только на отдѣльныхъ лицахъ, такъ или иначе, вольно или невольно, съ нимъ связанныхъ, но и на исходѣ всего царствованія Александра II, а слѣдовательно и на дальнѣйшихъ событіяхъ нашей политической жизни и общественности. Одна уже тьма, окружившая это дѣло и создавшая благоприятную почву для многолѣтней реакціи, съ ея разрушительными явленіями, указываетъ на необходимость возможно болѣе полнаго освѣщенія этой *были*, заглушенной и извращенной 30 лѣтъ тому назадъ. Надо раскрыть истинное значеніе процесса и цѣлую цѣпь событій, звено за звеномъ сходящихся къ нему и исходящихъ отъ него съ паразитической послѣдо-